Драма прославляет Петра и оплакивает его смерть. Она проникнута духом петровских реформ и сознанием их значительности. Афина Паллада (Палляс) восклицает:

Не дал ли Петр России днес архитектуру,
оптику, механику, да учат структуру,
Музыку, медицину, да полированны
будет младых всех разум и политизованны.

(стр. 386)

Нептун деловым тоном петровских реляций сообщает:

Петербурх преславны град близ моря построил,
славнейший Кронштат тамо свой и флот устроил.
Корабли преславны суть и славны галеры,
командуют оными храбры ковалеры,
Шлюпок много, вереек, с ними же и шнявы,
в буерах, баржах ездят до пречудной славы. . .

(стр 385)

«Вечность» (аллегорическая фигура) в свою очередь утверждает, что Россия «ныне обогащаема, поклоняема, страшна врагам и преславна», ибо Петр «в трудах всегда бываше, себя не жалея» (стр. 394). «Триумфует, глаголю, вечность, но рыдает, слезит, стенет от горести души своей, плачет неутолимо любезная его мати, драгое его государя отечество, приседящая гробу Россия бедная, осиротевшая Россия» (стр. 396). В драме заметно ослаблена стихия церковного языка, вступающего в сложное взаимодействие с варваризмами петровского времени, языком «Ведомостей» и реляций. Характерно, например, выражение, что Петр «угоден авдиенции в палате небесной», при наличии эпитетов старой панегирической поэзии: «солнце пресветлое», «неоцененное перло», «кристалловидный камень» и др. Смешение разнородных по своему характеру и происхождению языковых и стилистических пластов, изобразительных и литературных мотивов, античной мифологии и христианских представлений является органическим свойством и своего рода признаком барокко, в том числе и в его русском национальном варианте, приобретающем особое своеобразие под давлением традиции. В драму «Слава печальная» вторгается просторечие и вводятся фольклорные мотивы. Даже Нептун говорит:

Умолкните ныне, вси морсти рыбы, звери,
мати Россия зрится печальна без меры.

(стр. 391)

А Россия причитает:

Ах, боже едины, днесь пошли звери лютыи,
чтоб они сердце мое могли исторгнути,
сошли с высоты на мя громовую тучу
или каменей парящих смертельную кучу
испусти огненосны ко мне, бедной, стрелы,
ехидны люты сердце дабы днесь проели.

(стр. 398)